Interview with **Guido RAIMONDI**, former President of the European Court of Human Rights, by Alexander Vereshchagin, Editor-in-Chief of “Zakon” Journal*

На вопросы журнала «Закон» Александра Верещагина отвечает бывший председатель Европейского суда по правам человека **Гвидо РАЙМОНДИ***

Guido Raimondi was born in Naples in 1953.

Former member of the Italian Supreme Court of Cassation, he has been a judge at the European Court of Human Rights since 5 May 2010. In September 2012 he was elected Section President and then Vice-President of the Court for a three-year term of office starting on 1 November 2012. In September 2015 he was elected President of the Court for a three-year term of office starting on 1 November 2015. In May 2019 he finished his service as the President of the European Court of Human Rights.

He has been a member of the judiciary since 1977. In the first part of his career he worked in the lower courts, dealing with civil and criminal cases, until 1986, when he was assigned to the Legal Department of the Ministry of Foreign Affairs (*Servizio del Contenzioso diplomatico*). From 1989 to 1997 he was Co-Agent of the Italian Government before the European Court of Human Rights.

Between 1997 and 2003 he served on the Court of Cassation, first in the Advocate General’s office and then as a judge. During the same period he occasionally served as an *ad hoc* judge in cases before the European Court of Human Rights.

In May 2003 he joined the International Labour Organisation as a Deputy Legal Adviser. In February 2008 he became Legal Adviser of that organisation — a post he occupied until he took up his seat in Strasbourg.

He is the author of numerous publications in the field of international law, particularly human rights.

* This publication is based on an interview with Guido Raimondi during his tenure as President of the ECHR, but some changes have been made to the text after the expiry of his term.

Родился в Неаполе в 1953 г.

Бывший член Верховного кассационного суда Италии, с 5 мая 2010 г. — судья Европейского суда по правам человека от Италии. В сентябре 2012 г. был избран председателем секции.

С 1 ноября 2012 г. — заместитель председателя ЕСПЧ, с 1 ноября 2015 г. и до мая 2019 г. — председатель ЕСПЧ.

Работает в судебной системе с 1977 г. и начинал свою карьеру в судах низших инстанций, рассматривая гражданские и уголовные дела. В 1986 г. был назначен в юридический департамент Министерства иностранных дел (*Servizio del Contenzioso Diplomatico*). С 1989 по 1997 г. — сопредставитель итальянского правительства в ЕСПЧ.

С 1997 по 2003 г. работал в Кассационном суде: сначала в управлении Генерального адвоката, затем в качестве судьи. В те же годы периодически выступал в качестве судьи *ad hoc* по делам, находящимся на рассмотрении ЕСПЧ.

В мае 2003 г. получил должность заместителя юрисконсульта в Международной организации труда. С февраля 2008 г. и вплоть до своего назначения в ЕСПЧ был юрисконсультом МОТ.

Автор многочисленных публикаций в области международного права, в частности в области прав человека.

* Настоящая публикация основана на интервью, состоявшемся с Гвидо Раймонди в период нахождения его в должности председателя ЕСПЧ, однако после его ухода с этого поста в текст были внесены некоторые изменения.

Loaded: 08-05-2024 AMt 08:27:48

THE IMPLEMENTATION OF EUROPEAN COURT JUDGMENTS IS COMPLEX, BUT IN GENERAL TERMS THE SYSTEM WORKS

ИМПЛЕМЕНТАЦИЯ РЕШЕНИЙ ЕСПЧ ПРОИСХОДИТ НЕПРОСТО, НО В ЦЕЛОМ СИСТЕМА РАБОТАЕТ

— It is believed that the relations between the European Court of Human Rights and some state parties to the Convention are not very good right now. Is there indeed a crisis? And if there is, how to overcome it?

— There will always be judgments which are difficult for Governments, but generally speaking there is now a better understanding of the Court's role and a more positive environment. That understanding has been developed over the years by several high-level conferences on reform of the Convention system held in Interlaken, Izmir, Brighton, Brussels and, most recently, in April 2018, in Copenhagen. The spirit of those conferences resulted, first and foremost, in political declarations of commitment to the European Court of Human Rights and the Convention system, as well as to the right of individual application.

The Copenhagen Declaration also affirms an increased State participation in the Convention process: starting from effective national implementation of the Convention through to systematic execution of Court judgments.

— В настоящее время многие считают отношения между Европейским судом по правам человека и некоторыми государствами — участниками Конвенции не очень хорошими. Действительно ли существует такой кризис и если да, то как его можно преодолеть?

— Решения, которые государствам непросто принять, будут появляться всегда, но если говорить в целом, то сейчас сложились неплохое понимание роли Суда и довольно позитивная атмосфера. Такое понимание многие годы формировалось в рамках ряда конференций высокого уровня, посвященных реформе конвенционной системы и проходивших в Интерлакене, Измире, Брайтоне, Брюсселе и совсем недавно, в апреле 2018 г., в Копенгагене. Дух этих конференций нашел отражение прежде всего в политических декларациях о приверженности Европейскому суду по правам человека и системе Конвенции, а также праву на индивидуальное обращение в Суд.

Копенгагенская декларация[1] также признала усилившуюся роль государств в конвенционных процессах начиная с эффективного применения Конвенции на национальном уровне до систематического исполнения постановлений Суда.

[1] Копенгагенская декларация о реформе системы Европейской конвенции о правах человека.

Loaded: 08-05-2024 AMt 08:27:48

Moreover, it encourages the Court's initiatives to enrich judicial dialogue through the Superior Courts Network, created in 2015.

> Another way to promote interaction between the national and the European level, as underlined in the Declaration, is through increased third-party interventions brought by Member States, particularly in Grand Chamber cases.

The Court is now exploring ways in which it can support this call for increased dialogue.

— What about the current relationship between the ECHR and the Russian authorities? Because there are some problems unfortunately. The Russian authorities decided that the Russian Constitution in case of the direct conflict between the latter and the Convention should prevail. And they even introduced a special procedure to check the constitutionality of the European Court decisions in case of conflicts. Do you believe it's a feasible idea to solve such conflicts this way?

— There will always be debate at domestic level about how best to achieve conformity with the European Convention. However, all member States which have signed up to the Convention have undertaken to abide by final judgments, under the supervision of the Committee of Ministers of the Council of Europe. The key point here is that States must respect such undertakings, the right to individual application is a widely used mechanism, as shown by the thousands of applications lodged with the ECHR every year.

— Can there be any universal way of resolving conflicts between national courts and European Court of Human Rights or, rather, it depends very much on the particular country and particular circumstances?

— I think there is no one-size fits all solution to cover all situations.

Более того, поддерживаются инициативы Суда по расширению судейского диалога через Сеть высших судов, созданную в 2015 г.

> Еще одним способом укрепить взаимодействие между национальным и европейским уровнями, как подчеркнуто в Декларации, является расширение возможностей государств по участию в процессе в качестве третьих сторон, в особенности в делах, рассматриваемых Большой палатой.

Сейчас Суд думает о том, в какой форме он может содействовать в удовлетворении запроса на более активный диалог.

— А что насчет сегодняшних отношений между ЕСПЧ и российскими властями? Сейчас, к сожалению, здесь есть ряд проблем. Российские власти посчитали, что в случае прямого конфликта между нормами российской Конституции и положениями Европейской конвенции приоритет получают первые. У нас даже появилась специальная процедура проверки конституционности решений Суда на этот случай. На Ваш взгляд, это правильный способ разрешать подобные конфликты?

— На национальном уровне всегда будут вестись споры о том, как лучше обеспечить соответствие Европейской конвенции. Однако все государства-участники, подписавшие Конвенцию, согласились исполнять окончательные постановления Суда под надзором Комитета министров Совета Европы. И ключевым моментом здесь является то, что государства должны соблюдать свои обязательства, а право на индивидуальное обращение стало широко используемым механизмом, о чем свидетельствуют тысячи заявлений, ежегодно подаваемых в ЕСПЧ.

— Существует ли какой-то универсальный способ разрешения конфликтов между национальными судами и Европейским судом по правам человека или это скорее зависит от конкретного государства и конкретных обстоятельств?

— Я считаю, что единого решения на все случаи жизни не существует.

Loaded: 08-05-2024 AMt 08:27:48

> What is important is the good faith of the respondent States in looking for the most effective way of ensuring human rights protection for its citizens.

> Важно, чтобы государства-ответчики добросовестно подходили к поиску наиболее эффективного способа обеспечения защиты прав своих граждан.

— There is some fresh news on State compliance or non-compliance. You will most probably disagree with those who believe that there were political implications in a very recent Court ruling on Mammadov case, like Azebaijan's drift towards Russia to the detriment of their relations with the EU. And yet, if it is indeed the first time the court has issued a ruling under so-called infringement proceedings for flouting ECHR rulings, as some commentaries say, one may wonder whether this case is really so special and extraordinary. What, in your view, is so unusual about this case that has ultimately led to such an unprecedented ruling?

— I would at first highlight that I was not part of the Grand Chamber composition which decided the case of the question referred by the Council of Ministers as to whether Azerbaijan had complied with its undertaking under Article 46 § 1 to abide by the judgment in Mr Mammadov's case of 2014.

The Grand Chamber judgment is important as it was the first use of a special procedure foreseen by the Convention. It also underlined the careful balance of responsibilities between the Convention organs and the fact that it is essentially up to Member States themselves to ensure their compliance with Court judgments, under the supervision of the Committee of Ministers.

The Committee of Ministers first dealt with the question of how Azerbaijan could comply with the Court's judgment in 2014, calling then for Mr Mammadov's release. Mr Mammadov remained in detention and was then imprisoned after a trial which the Court also found to be in violation of the rights set out in the Convention. The fact that the Committee did not begin the procedure under Article 46 § 4 on Azerbaijan's compliance with the first Mammadov judgment for three years shows how carefully it considered the case, taking the point of view of the Respondent Government into account and examining its ac-

— Перейдем к последним новостям о согласии или несогласии государств с постановлениями Суда. Вы, вероятнее всего, не поддержите тех, кто усматривает в недавнем постановлении Суда по делу Мамедова[2] некие политические мотивы, связанные, например, с пророссийским уклоном Азербайджана, ведущим к ухудшению его отношений с ЕС. И все же, если это действительно первое постановление, вынесенное в рамках так называемого производства по нарушению ввиду несоблюдения постановлений ЕСПЧ, как говорят некоторые комментаторы, можно задаться вопросом: неужели это дело и впрямь особенное, экстраординарное? Как Вы думаете, что в нем такого необычного, если по нему принято столь беспрецедентное решение?

— Прежде всего замечу, что сам я не входил в состав Большой палаты, который рассматривал переданный Комитетом министров вопрос о нарушении Азербайджаном своих обязательств, вытекающих из п. 1 ст. 46 Конвенции, по исполнению первого постановления по делу Мамедова 2014 г.[3]

Постановление 2019 г. имеет важное значение, поскольку при его принятии впервые была использована специальная процедура, предусмотренная Конвенцией. Большая палата также акцентировала тщательно выверенное соотношение обязанностей между органами Конвенции и то обстоятельство, что, по сути, обеспечивать исполнение постановлений Суда должны сами государства-участники под надзором Комитета министров.

Комитет впервые рассмотрел вопрос об исполнении Азербайджаном постановления Суда в 2014 г., призвав освободить Мамедова из-под ареста. Мамедов, однако, остался в предварительном заключении, а впоследствии был приговорен к лишению свободы в результате судебного разбирательства, которое Суд тоже признал нарушающим конвенционные права. И то, что Комитет целых три года не начинал процедуру, предусмотренную п. 4 ст. 46, из-за неисполнения Азербайджаном постановления 2014 г., по-

[2] Постановление Большой палаты ЕСПЧ от 29.05.2019 по делу «Ильгар Мамедов против Азербайджана» (жалоба № 15172/13).
[3] Постановление ЕСПЧ от 22.05.2014.

Loaded: 08-05-2024 AMt 08:27:48

tions before making a decision to refer a question to the Court.

The Court has now made its judgment that Azerbaijan violated Article 46 §1 for failing to abide by the first Mammadov judgment and further consideration of the case will be in the hands of the Committee of Ministers.

казывает, насколько скрупулезно он подошел к данному делу, принял во внимание мнение государства-ответчика и проанализировал его действия, прежде чем передать вопрос на рассмотрение Суда.

Теперь же Суд посчитал, что Азербайджан, не исполнив первое постановление по делу Мамедова, нарушил п. 1 ст. 46, и дальнейшее рассмотрение дела будет вестись Комитетом министров.

— Is there any possibility of making so-called pilot decisions in relation to Russia in future? And if so, are there any pending issues which are mature for such kind of decisions with regard to Russia?

— Well, in the past we had some examples of pilot procedures concerning Russia. For instance, we had the cases of Burdov in 2009 and Gerasimov in 2014, which concerned the non-enforcement of domestic judicial decisions. And these are so to speak success stories in the sense that the procedure in both cases was successfully completed to the satisfaction of the Court. We had another example, which is the Ananyev case with the judgement of 2012 concerning conditions of prisoners who were detained on remand. This case was a little bit more problematic, and in fact, if there is a field in which one could conceive that a pilot procedure would not be impossible for Russia, it is exactly the field of prisoner conditions.

— Возможно ли вынесение так называемых пилотных решений в отношении России в будущем? Может быть, на рассмотрении Суда есть какие-то достаточно серьезные вопросы, которые могли бы стать основанием для принятия пилотных решений в отношении России?

— В прошлом у нас было несколько пилотных процедур в отношении России. Это, например, дела Бурдова[4] и Герасимова[5], которые касались неисполнения решений национальных судов. И я бы назвал их историями успеха — в том смысле, что необходимые процедуры по обоим делам были успешно реализованы к удовлетворению Суда. Но есть и другой пример — постановление по делу Ананьева 2012 г.[6], где речь шла об условиях содержания лиц в предварительном заключении. Это дело было немного сложнее. В принципе, если и есть вопрос, по которому вынесение пилотного постановления в отношении России не представляется невозможным, то это как раз условия содержания заключенных.

— And what do you think about the criteria, which should be met in order to say that there is a European Consensus in place? As you know the doctrine of European Consensus is sometimes questioned, people say that no Consensus exists when just one or several member states of the Council of Europe adhere to their own particular approach to the regulation of certain things. Do you share this doubt that there's no Consensus in such cases?

— Of course, one cannot address really this question in extremely general terms. But in general terms one could say that in order to be decisive a Consensus

— Какие критерии, по Вашему мнению, позволяют говорить о наличии европейского консенсуса? Сама доктрина европейского консенсуса зачастую подвергается сомнению, и люди признают отсутствие такого консенсуса уже тогда, когда всего одно или несколько государств — членов Совета Европы придерживаются собственного

[4] Постановление ЕСПЧ от 15.01.2009 по делу «Бурдов против Российской Федерации» (№ 2) (жалоба № 33509/04).

[5] Постановление ЕСПЧ от 01.07.2014 по делу «Герасимов и другие против Российской Федерации» (жалобы № 29920/05, 3553/06, 18876/10, 61186/10, 21176/11, 36112/11, 36426/11, 40841/11, 45381/11, 55929/11, 60822/11).

[6] Постановление ЕСПЧ от 10.01.2012 по делу «Ананьев и другие против Российской Федерации» (жалобы № 42525/07, 60800/08).

Loaded: 08-05-2024 AMt 08:27:48

must be as broad as possible, especially when the issue is the sensitive one. And I understand that the Court is sensitive to that where the Consensus is not strong. Not only there is a legal basis, which is weak to impose a change of the respondent state, but there will be also an impact on all the other contracting states, which have the similar issue in their legal systems. So it is obvious that to be decisive and to be persuasive the Consensus should be as broad as possible.

подхода к регулированию определенных вопросов. Разделяете ли Вы эти сомнения в таких делах?

— Ответить на этот вопрос в слишком общих выражениях, конечно, нельзя. Однако просто в общих чертах можно сказать, что для того, чтобы консенсус имел решающее значение, он должен быть как можно более широким, особенно если речь идет о деликатном вопросе. И, насколько я понимаю, Суд внимательно относится к вопросам, по которым четкого консенсуса нет. И дело не только в слабости правовых оснований требовать от государства-ответчика изменений, но и в возможном влиянии такого решения на все остальные государства-участники, правовые системы которых сталкиваются с аналогичной проблемой. Поэтому, повторюсь, консенсус получит решающее значение и будет выглядеть убедительно, если он станет как можно более широким.

— The Constitutional Court of the Italian Republic developed a doctrine of *controlimiti,* which has called into question — probably for the first time — the binding force of the European Court judgments. So, I would like to ask you as a judge of the European Court as well as an Italian judge. How often this doctrine was applied in Italy? Is it frequently used or not?

— No, absolutely the contrary, so, this doctrine is extremely rarely used. And I would say that in most cases, it's not all, the Constitutional Court cooperates loyally with not only our Court but with other international courts including of course the Luxembourg Court, the European Court of Justice.

> The *controlimiti* is an interesting doctrine. It refers to the existence within the Italian Constitution of core principles which are essential for the state. And no value, not even value stemming from international law can be admitted in the national legal order if there is a clash with these core principles.

> But having said that, the application of this doctrine is really rarely done by the Constitutional Court. It is my reading of the situation.

— Конституционный суд Итальянской Республики выработал доктрину *controlimiti* — границ контроля, которая поставила под вопрос, возможно впервые, обязательную силу постановлений Европейского суда. Я хотел бы спросить у Вас как у судьи Европейского суда и одновременно итальянского судьи: насколько часто данная доктрина применяется в Италии? Она регулярно используется или нет?

— Нет, совсем наоборот, эта доктрина используется крайне редко. Более того, я бы сказал, что Конституционный суд, как правило, преданно сотрудничает не только с нашим Судом, но и с другими международными судами, включая Люксембургский суд, Европейский суд справедливости.

> *Controlimiti* — это весьма интересная доктрина. Она отсылает к основополагающим принципам, которые закреплены в Конституции Италии и необходимы для существования государства. Никакие другие ценности, даже вытекающие из международного права, не могут быть восприняты национальным правопорядком, если они противоречат этим принципам.

> Но в то же время данная доктрина используется Конституционным судом Италии крайне редко. Так мне видится.

— What about the problem of burden or the caseload in the European Court of Human Rights?

— Что Вы думаете о проблеме нагрузки или количества дел, находящихся в производстве ЕСПЧ? Все призна-

Loaded: 08-05-2024 AMt 08:27:48

Because it is well-known as a huge problem. It brought many difficulties in past and probably it is still a problem at present. Do you have any new ideas — perhaps in the Court — how to cope with it, how to manage the ever-increasing caseload?

— In this field we made a lot of progress. Some years ago we had 160 000 pending applications. Now we have roughly 57 000 applications. But yes, we have still a long way to go, because 57 000 remains too high a figure, absolutely. We are constantly developing our working methods, and in particular we try and exploit all the possibilities, which are offered by modern IT. So, of course this is a permanent deflection. But in the long run I remain convinced that the solution is more at the national level than at the European level.

> In the sense that the problem of the caseload will be really resolved when the Convention would be better implemented at national level, especially in those countries which provide the Court with the highest number of obligations.

— Probably Russia is one of them.

— Yes, there's a top-5, Russia is in, but Italy as well.

— How do you understand the limits of the jurisdiction of the European Court of Human Rights? I mean for instance the notion of "property", which is taken very broadly by the Court. It was extended to some social rights like worker's compensation, pensions etc. Will this trend continue?

— Yes, the protection of property, which is enshrined in Article 1 of Protocol 1 to the Convention, has been interpreted by the Court at least since 2006 with the case Stec and others versus the UK, as covering social benefits. A social benefit is a possession. So, it is protected by the Protocol. But this doesn't mean that the state has no possibilities to intervene on that benefit in the framework of the general economic policies. And if

ют ее серьезность: она породила много затруднений в прошлом и, вероятно, по сей день остается актуальной. Возможно, в Суде есть новые способы справляться с нагрузкой и управляться с постоянно растущим числом дел?

— В этой области мы добились большого прогресса. Если несколько лет назад у нас было 160 тыс. нерассмотренных жалоб, то теперь осталось около 57 тыс. Да, нам предстоит еще долгий путь, поскольку 57 тыс. — безусловно слишком большая цифра. Мы постоянно совершенствуем свои рабочие процессы, в частности стараемся использовать все возможности современных информационных технологий. Конечно же, это неизбежно отвлекает от основной деятельности, но, по моему убеждению, конечное решение должно быть найдено скорее на национальном уровне, чем на европейском.

> Проблема нагрузки ЕСПЧ будет по-настоящему разрешена только тогда, когда улучшится практика применения Конвенции в самих государствах, особенно в тех, откуда в Суд поступает больше всего жалоб.

— И, наверное, одной из них является Россия.

— Верно, Россия входит в первую пятерку стран, как, кстати, и Италия.

— Как Вы понимаете пределы юрисдикции ЕСПЧ? Возьмем, например, понятие «собственность», которое Суд трактует достаточно широко, распространяя его даже на социальные права, такие как компенсации работникам, пенсии и т.д. Сохранится ли данная тенденция?

— Да, как минимум с 2006 г. — после дела «Стек против Соединенного Королевства»[7] — понятие «защита собственности», предусмотренное ст. 1 Протокола № 1 к Европейской конвенции, толкуется Судом как включающее социальные выплаты. Социальные выплаты являются имуществом, поэтому на них также распространяются

[7] Постановление Большой палаты ЕСПЧ от 12.04.2006 по делу «Стек и другие против Соединенного Королевства» (жалобы № 65731/01 и 65900/01).

Loaded: 08-05-2024 AMt 08:27:48

I look at the case law of the Court, my conclusion is that the Court is extremely different vis-a-vis the choices of political economy, which are made by the states and of course which are taken by the democratically elected parliamentary assemblies of the states. The Court is extremely sensitive to that aspect.

> The Court knows that social benefits imply resources and decisions on allocation of resources are an extremely sensitive question at national level. Therefore, the Court intervenes only when a fair balance between the interests of the collectivity and the individual interests represented by the social benefit in question is broken. But in doing so, the Court is extremely prudent.

положения Протокола. Однако это не означает, что государство не может регулировать такие выплаты в рамках общей экономической политики. И прецедентная практика Суда показывает, что он принимает весьма разнообразные решения в отношении политико-экономического выбора, сделанного государствами и, соответственно, демократически избранными парламентскими ассамблеями этих государств. Суд с особой деликатностью относится к этому аспекту.

> Мы понимаем, что социальные выплаты требуют наличия ресурсов, а принятие решений о распределении этих ресурсов является весьма чувствительным внутригосударственным вопросом. Поэтому Суд вмешивается, только если нарушается справедливый баланс между коллективными и индивидуальными интересами в отношении социальных выплат. Но даже тогда он действует крайне осторожно.

— There's a feeling in Russia, at least among some officials, that the standards of proof, which the European Court is using, are too elastic. What do you think about this? Shouldn't they be a little bit more precise as is the case in national legislation where they are somewhat more certain?

— In fact, with all the jurist practice the question is too general, because the standards of proof required by the Court vary in function of the situation which is before the Court, and vary in function of the right which is concerned. So, in general terms the classical rule applies. This means that the burden of the proof is on the person, who defends that the certain fact occurred. But there are cases in which the rule is not that strict. One example is Article 3 — situations in cases of police brutality.

> So, if a person is in the hands of the police and has no wounds when his or her detention starts, if at the end of the day there are wounds, bruises or things like that, it is for the state to give the proof that no responsibility exists on the side of the state authorities.

This is one example that the rule is not exactly the same in all situations. And my impression is that the Court is vigorous when assessing evidence.

— В России сложилось такое впечатление — во всяком случае, у некоторых чиновников, — что стандарты доказывания, используемые Европейским судом, слишком гибкие. Каково Ваше мнение на этот счет? Не должны ли они быть чуть более четкими, как в национальных законодательствах, закрепляющих их в более определенной форме?

— Если учитывать всю сложившуюся юридическую практику, этот вопрос слишком общий, поскольку стандарты доказывания, применимые Судом, различаются в зависимости от обстоятельств конкретного дела, а также от прав, которые затронуты в этом деле. В принципе, действует классическое правило: бремя доказывания лежит на том лице, которое утверждает, что конкретный факт имел место. Тем не менее не всегда это правило применяется строго. Примером являются дела о нарушении ст. 3 Конвенции — о бесчеловечном обращении полицейских с заявителями.

> Если у человека, попавшего в полицию, при его задержании не было ни царапины, а потом у него появились раны, ушибы и т.п., то именно государство должно доказать, что власти не имеют к этому отношения.

Вот лишь один из примеров того, что правила доказывания не всегда одинаковы. И я полагаю, что Суд весьма тщательно оценивает доказательства.

Loaded: 08-05-2024 AMt 08:27:48

— What do you think about the efficiency of the current mechanism of execution of the Court decisions? Perhaps, some reforms are necessary?

— There are some difficult cases, and the implementation of European Court judgments is complex, but in general terms the system works. As you know, the main responsibility in this connection is with the political body of the Council of Europe, namely the Committee of Ministers. I think it's a good system, especially because the implementation of the judgement of this Court is a complex thing. It implies individual measures, but in many instances general measures as well. And the monitoring of the implementation of general measures is very much in the hands of the political bodies like the Committee of Ministers. And even cases, which are difficult, at the end of the day find a solution. One example is the famous British case of Hirst versus the UK, Hirst concerned prisoners voting rights. And you may be aware of the fact that this was the judgement very difficult to implement, because for a long time there was resistance especially by the British Parliament. Then, at the end of the day, the British Government found a solution, so the question was at least at the level of the Committee of Ministers. I don't pre-judge, of course, possible future interventions by the Court. But the question was resolved. And so, in general terms, at least in my view, the system works.

— Можно ли назвать нынешний механизм исполнения решений Суда эффективным? Или, может быть, он нуждается в некоторой реформе?

— Бывают сложные дела, и имплементация решений ЕСПЧ происходит непросто, но в целом система работает. Как Вы знаете, основная ответственность здесь ложится на политический орган Совета Европы, а именно на Комитет министров. Мне кажется, что это хорошая система, в особенности потому, что исполнение решений Суда должно быть комплексным и предусматривать исполнение не только индивидуальных, но и, во многих случаях, общих мер. А за мониторинг исполнения общих мер в немалой степени отвечают политические органы, такие как Комитет министров. В конечном счете, даже по сложным делам удается найти решение. Например, в известном деле «Хёрст против Соединенного Королевства»[8] Хёрст был лишен избирательных прав, пребывая в заключении по приговору суда. Вы, наверное, знаете, что с исполнением этого постановления Суда были большие проблемы, ему долгое время оказывалось сопротивление, в особенности со стороны парламента Великобритании. Впоследствии британское правительство нашло решение, и вопрос хотя бы оказался на уровне Комитета министров. Я, конечно же, не могу предвосхитить другие возможные случаи вмешательства Суда, но на данном этапе вопрос был разрешен. Таким образом, по моему мнению, было бы правильным сказать, что в общем система работает.

— And what about the amicable agreements and settlements? May it be used in the European justice system?

— I believe that these non-contentious solutions may not only be more efficient for most categories of cases. And in fact one of the reforms we realised at court in terms of work is financing exactly this way of resolving cases. And it's also a way of reinforcing the message of subsidiarity. So, my assessment is absolutely positive when it comes to friendly settlement.

— А как Вы относитесь к возможности разрешения дела мировым соглашением и урегулированию споров? Можно ли использовать их в системе европейского правосудия?

— Я считаю, что неоспариваемые решения такого рода как минимум могут быть весьма эффективными для большинства категорий дел. Одна из проведенных в Суде реформ рабочих процессов как раз и состоит в финансировании такого способа разрешения дел. Кроме того, он позволяет дополнительно усилить идею субсидиарности. Так что я абсолютно положительно оцениваю мировые соглашения.

— Do you think that Brexit may somehow touch upon the European Court of Human Rights? Of course, there's seemingly no direct connection between these things, but still, what is the future of relations between England, let's say, UK

— Не думаете ли Вы, что *Brexit* может как-то затронуть Европейский суд по правам человека? Конечно, на пер-

[8] Решение ЕСПЧ от 08.07.2003 по делу «Хёрст против Соединенного Королевства» (жалоба № 74025/01).

Loaded: 08-05-2024 AMt 08:27:48

and the European Court after Brexit? Will there be any changes?

— This is a question more for the British authorities. But I can refer to a very recent strong statement to the Committee of Ministers of the Council of Europe made by the Attorney General of the United Kingdom, Mr. Cox, in April 2019. He said very clearly that the United Kingdom has no intention to leave the Convention and "will remain unshakeably committed to the Council of Europe, to its institutions, and to the indispensable values for which it stands".

And I would add that our cooperation with the British courts is excellent.

вый взгляд какой-либо прямой связи между Судом и этим явлением нет, но все же какими станут взаимоотношения между Англией, или даже Великобританией, и Европейским судом после *Brexit*? Что-то изменится в них?

— Это больше вопрос к британским властям. Но я могу привести совсем недавнее веское заявление Генерального атторнея Великобритании господина Кокса: выступая в апреле 2019 г. перед Комитетом министров Совета Европы, он весьма недвусмысленно дал понять, что Соединенное Королевство не собирается выходить из Конвенции и «сохранит непоколебимую приверженность Совету Европы, его институтам и неотъемлемым ценностям, за которые он выступает».

А я добавлю, что мы прекрасно сотрудничаем с британскими судами.

— In Russia we are going to abolish so-called cages at the courtrooms — mainly thanks to the European Court of Human Rights, as a result of its decisions. What about the future of these "facilities". I know that in Italy cages in courtrooms were used for some time quite widely. I remember there was Maxiprocesso in Palermo in 1986, and there was a huge hall, *aula bunker* in Italian, full of cages prepared for several hundreds of accused.

— We had a famous Russian case Svinarenko-Slyadnev concerning this particular issue. And before we had a case Ramishvili versus Georgia, we had a case against Armenia. And recently we had a case against Ukraine. To the best of my knowledge, we had no cases concerning Italy on this matter. So, I am not able to provide you with the response. Of course, you mentioned Palermo trial, but it was 30 years ago.

— Мы в России собираемся отменить так называемые клетки в залах судебных заседаний — кстати, во многом благодаря решениям Европейского суда по правам человека. Вы можете что-то сказать о будущем этих «конструкций»? Насколько мне известно, в Италии клетки в залах судебного заседания широко использовались довольно долго. Например, в 1986 г. в Палермо проходил большой процесс (*Maxiprocesso*), и там был огромный зал, по-итальянски *aula bunker*, полный клеток, подготовленных для нескольких сотен обвиняемых.

— В Суде было известное российское дело Свинаренко и Сляднева[9], касавшееся этого самого вопроса, чуть ранее — дело «Рамишвили и Кохреидзе против Грузии»[10] и еще одно заявление против Армении. Плюс недавно мы рассматривали такое же дело против Украины. Но мы не рассматривали дел против Италии по данной проблеме, так что я не смогу дать Вам ответ. Вы упомянули процесс в Палермо, но это же было 30 лет назад.

— Yes, 30 years have passed. Let's assume that the situation in Italy has changed completely, as I understand you. Probably Russia is one of the very few if not the only country where cages are still in courtrooms. This is very important information for us. And now I would like to ask you about dissents in the European Court of Human Rights. Do you feel that there is sort of natio-

— Да, 30 лет назад. Хорошо, как я понимаю, ситуация в Италии в этом плане кардинально изменилась. Возмож-

[9] Постановление ЕСПЧ от 17.07.2014 по делу «Свинаренко и Сляднев против Российской Федерации» (жалобы № 32541/08, 43441/08).

[10] Постановление ЕСПЧ от 27.01.2009 по делу «Рамишвили и Кохреидзе против Грузии» (жалоба № 1704/06).

Loaded: 08-05-2024 AMt 08:27:48

nal bias in some judges when the Court decides against their country of origin, are they inclined to write dissent more often or vote against this decision more often than in cases where the Court rules against other countries?

— No, no. We have also judges filing a separate opinion, so, even dissenting opinions affirming that their own country was in breach of the Convention when the majority reached the opposite conclusion. This happens but I would not really refer that to a national bias. I would say judges are supposed to act in full independence, and I trust all my colleagues in that respect.

но, Россия является одной из немногих, если не единственной страной, где в залах судебных заседаний еще есть клетки. Для нас это очень важная информация. А теперь я хотел бы спросить Вас об особых мнениях в Европейском суде по правам человека. Не кажется ли Вам, что у некоторых судей возникает некое национальное предубеждение, когда Суд принимает решение против их государства? Может быть, в таких случаях они более склонны высказывать особые мнения или голосовать против общего решения, чем по делам, в которых Суд выносит решение против других государств?

— Нет-нет. У нас есть судьи, которые пишут особые мнения, и даже бывают несовпадающие особые мнения, в которых судьи признают свою страну нарушившей Конвенцию, хотя большинство голосов подается за противоположное решение. Такое случается, но я бы не стал здесь ссылаться на национальное предубеждение. Я бы сказал, что судьи обязаны действовать абсолютно независимо, и в этом отношении я доверяю всем своим коллегам.

— And the last question which is a bit more personal. You are finishing your service as the President of the Court very soon. What are your plans after the expiry of your term as President?

— Well, it's easy, because I come from the Italian Court of Cassation, which I left 16 years ago in 2003. And they are so generous to take me back. So, I'll be working again in the Italian Court of Cassation.

— Тогда последний, более личный вопрос. Скоро заканчивается Ваш срок пребывания в должности председателя Суда. Каковы Ваши планы на будущее?

— Здесь все просто. Я перешел в ЕСПЧ из Кассационного суда Италии 16 лет назад, в 2003 г. И мне любезно предложили туда вернуться. Так что я снова буду работать в Кассационном суде.

Loaded: 08-05-2024 AMt 08:27:48